УДК 01:061.22(470)"1917/1921"

Г. В. Михеева

Деятельность Русского библиографического общества в 1917–1921 гг.

Русское библиографическое общество, возникшее в Москве в 1900 г., продолжало в 1917–1921 гг. оставаться центром, объединявшим усилия отечественных библиографов. Главной задачей в очерченный период было издание журнала «Библиографические известия», на страницах которого, наряду с решением теоретических вопросов библиографии, продолжалось издание указателя «Библиография русской библиографии». Прослеживается судьба русского библиографического репертуара.

Ключевые слова: Русское библиографическое общество, история русской библиографии 1917–1921 гг., библиографический репертуар, журнал «Библиографические известия»

Galina V. Mikheeva

Russian Bibliographical Society in 1917–1921

Russian Bibliographical Society, which arose in Moscow in 1900, continued in 1917–1921 to remain the center, uniting the efforts of national bibliographies. The main objective outlined in the period was the publication of the magazine «Bibliographic news», which, together with the solution of theoretical questions bibliography, accumulated the index «Bibliography of Russian bibliography». The author traces also the fate of Russian bibliographic repertory.

Keywords: Russian Bibliographical Society, history of Russian bibliography in 1917–1921, bibliographic repertory, the magazine «Bibliographic news»

К 1917 г. в России существовало немало библиографических обществ и организаций. Продолжало свою деятельность Русское библиографическое общество, образованное в 1900 г. из Московского библиографического кружка[1]. Общество должно было стать научно-теоретическим центром России и выполнять следующие задачи: разрабатывать методы библиографического описания, подготовить «всеобщую русскую библиографию» (репертуар русской книги), способствовать единению библиографических сил в стране, издавать специальный журнал, периодически организовывать книжные выставки, создать музей книги и др. Постепенно в Русском библиографическом обществе собственно библиографические задачи отошли на второй план, возобладали библиофильские тенденции. С 1913 г. деятельность Общества вновь активизировалась в связи с проникновением в среду российских библиографов идей Международного библиографического института о создании универсального всемирного библиографического репертуара. Общество начинает внедрять Универсальную десятичную классификацию, ревностным пропагандистом ее был секретарь Русского библиографического общества Б. С. Боднарский. Тогда же был создан библиографический журнал «Библиографические известия», с помощью материалов которого решались различные вопросы, стоявшие перед отечественной наукой о книге[2].

О том, что издание будет теоретико-библиографическим, отмечалось в заметке редакции первого номера журнала: «… главным лозунгом нашего журнала будет – чистота типа»[3], и эта «чистота типа» неуклонно и последовательно соблюдалась, несмотря на финансовые трудности, что отмечал и сам Б. С. Боднарский – бессменный редактор журнала: «Были моменты, когда мы стояли, что называется, на краю пропасти <…>. И все-таки мы не нарушили чистоты типа»[4]. Об этом же писал и Н. Н. Орлов в обзоре деятельности Общества за 1917–1925 гг. [5] Та же мысль была особо подчеркнута и в статье Э. К. Беспаловой, посвященной 70-летию со дня начала издания журнала[6]. Даже упреки Н. В. Здобнова о том, что журнал посвящен «исключительно библиографическим вопросам» и «рассчитан только на лиц, специально интересующихся вопросами библиографии и не был интересен для широких читательских кругов»[7], скорее можно считать положительной оценкой неуклонно соблюдаемой направленности журнала.

Исключительная энергия Б. С. Боднарского позволяла даже в самые тяжелые годы полиграфического кризиса не прекращать подготовку номеров журнала и объединить вокруг себя лучшие силы отечественных библиографов и книговедов. На страницах этого журнала только в первое послереволюционное пятилетие печатались, помимо Б. С. Боднарского, В. В. Вино-

градов, Э. А. Вольтер, К. Н. Дерунов, У. Г. Иваск, Н. М. Лисовский, А. И. Малеин, Н. Н. Орлов, Н. М. Сомов, Д. В. Ульянинский, А. Г. Фомин – представители самых разных течений библиографической мысли[8].

В журнале в интересующее нас пятилетие публиковались статьи по теории и истории библиографии, взаимосвязи библиографии и библиологии, по вопросам библиографического описания и классификации произведений печати, прежде всего – Десятичной классификации. Освещалась деятельность Международного библиографического института в Брюсселе, о котором писал его создатель П. Отле. Немалое место занимали статьи по теории и практике книжного и библиотечного дела, библиофилии. Помещались указатели, обзоры и рецензии, посвященные анализу библиографических, книговедческих и библиотечных изданий журнала. Информационный материал в разделе «Хроника» сохранил свое значение и по сей день. Наиболее детально освещены в нем все события из жизни Русского библиографического общества. Регулярно информировалось о деятельности Русского библиологического общества, Одесского библиографического общества, Общества деятелей печати и литературы, Русского библиотечного общества, Общества издателей периодической печати, Московского общества печатников и др.

Широко была представлена персоналия деятелей книги. В целом в журнале отражалась разносторонняя панорама библиографической жизни России и зарубежья.

Сложности исторического периода не могли не отразиться на издании журнала. Если в январе 1917 г. Министерство народного просвещения назначило Обществу ежегодную субсидию в размере 2400 р. и единовременно выдало 1000 р. на покрытие расходов по изданию «Библиографических известий», то с августа 1918 г. из-за полного отсутствия средств издание журнала было приостановлено, несмотря на то, что подготовка его номеров продолжалась[9].

Издание журнала возобновилось лишь в 1922 г., когда был напечатан № 3/4 за 1917 г., а номера за 1918 г. вышли соответственно уже в 1923 г., хотя весь материал до 1921 г. сдавался регулярно в типографию[10]. В 1917–1920 гг. ежегодно готовились по 2 сдвоенных номера (№ 1/2 и 3/4), с 1921 г. до конца издания в 1929 г. журнал превратился в ежегодное издание – 4 номера выходили в одной книжке. В рассматриваемый период вышли три тематических выпуска, посвященных жизни и деятельности видных книговедов (in memoriam): Д. В. Ульянинскому (№ 1/2 за 1918 г.), Р. Ф. Брандту (№ 1/2 за 1920 г.), Н. М. Лисовскому (№ 1/4 за 1921 г.). Структура журнала оставалась неизменной и содержала четыре основных раздела: статьи, библиографические указатели, рецензии, хроника. Еще в № 3/4 журнала за 1917 г. был помещен систематический указатель к «Библиографическим известиям» за первое пятилетие их издания (1913–1917 гг.)[11]. В последующие годы также публиковались сводные указатели: в № 1/4 за 1922 г. – к номерам за 1918–1922 гг. [12], в № 1/4 за 1925 г. – к номерам за 1923–1925 гг. [13]

Особо следует подчеркнуть, что и в этот период продолжалась подготовка и публикация на страницах журнала указателя «Библиография русской библиографии». Кумулированный выпуск «Библиографии русской библиографии» на основе оттисков за предшествовавшие годы вышел в 1918 г. В него были включены материалы с 1913 по 1917 г., а затем продолжалось регулярное издание этого указателя в каждом номере журнала «Библиографические известия» до 1921 г. Б. С. Боднарский, составитель указателя, вкладывал в понятие «библиография» предельно широкий смысл, а потому в него включались общие, отраслевые и биобиблиографические указатели, каталоги библиотек, рукописных собраний, редких и запрещенных изданий, книгоиздательские и книготорговые каталоги, общие и теоретические работы по библиографии, библиотековедению, книговедению, издательскому делу. Материал располагался по десятичной системе классификации.

Внедрением и пропагандой этой системы в России последовательно занимался Б. С. Боднарский, который с 1908 г. с неутомимым энтузиазмом ратовал за введение ее в практику русской библиографии и библиотечного дела. Е. К. Бетгер по праву называл его «непререкаемым авторитетом в области десятичной системы»[14]. В 1910 г. Б. С. Боднарский представил Международному конгрессу по библиографии доклад на тему «Распространение библиографической десятичной классификации в России», обрисовав историю ее применения в России с 1896 г. [15]

Пропагандируя десятичную классификацию М. Дьюи, Боднарский в статье «Международные библиографические схемы классификации» яростно полемизирует с ее противниками, противопоставлявшими десятичной системе классификацию Лондонского Международного каталога и немецкие библиографические схемы, доказывая, что их существование наряду с десятичной классификацией не отнимает у последней «права на почетное место единой международной библиографической классификации, так как схема Международного Каталога, равно

как и другие существующие „международные“ схемы, главным образом немецкие… не универсальны, имея в виду лишь отдельные части всего круга знаний»[16].

К числу несомненных заслуг Б. С. Боднарского следует отнести и то, что он впервые разработал децимальный подход к классификации отечественных библиографических материалов[17] и неуклонно претворял его в жизнь в своей «Библиографии русской библиографии» на протяжении всего периода издания этой библиографии библиографии на страницах журнала «Библиографические известия» в 1913–1925 и 1929 гг. (Особо отметим, что до тех пор в нашей стране библиографические указатели вообще не систематизировались.)

Ежегодное число записей в этом указателе различно и в целом определялось ситуацией в издательском деле рассматриваемого пятилетия. Так, в кумулированном издании за 1913–1917 гг. учтено 5522 названия книг и статей (за 1913 г. – 1226 названий, за 1914 г. – 1191 название, за 1915 г. – 1020 названий, за 1916 г. – 628 названий, за 1917 г. – 303 названия). За 1918 г. – 162 названия, за 1919 г. – 161 название, за 1920 г. – 184 названия, за 1921 г. – 223 названия[18]. На основании данных доклада Б. С. Боднарского «Обзор библиографической литературы за революционное десятилетие (1917–1927)», сделанного на 418-м заседании Русского библиографического общества 5 декабря 1927 г., оказалось возможным уточнить, сколько из них было собственно библиографических пособий в то или иное время. Так, в 1919 г. таких пособий было 94, в 1920 г. – 101, в 1921 г. – 74[19]. Впоследствии, оценивая «Библиографию русской библиографии», П. Н. Берков писал, что этот указатель «по своему научному и общественно-культурному значению стоит в самом первом ряду лучших наших трудов по библиографии»[20].

По словам секретаря Русского библиографического общества Н. Н. Орлова, после революций 1917 г. «Библиографические известия» оставались «единственным авторитетным проводником новых библиографических идей»[21]. Справедливой представляется и оценка К. Н. Дерунова, который отмечал, что журналу принадлежит заслуга «последовательной выработки библиографического миросозерцания»[22]. П. Н. Берков назвал «Библиографические известия» «лучшим из дореволюционных русских библиографических журналов и одним из лучших советских библиографических изданий»[23].

Деятельность Русского библиографического общества в 1917–1921 гг. не ограничивалась только изданием этого журнала, а была направлена на решение других задач: прежде всего на сохранение библиографического репертуара русской книги.

Собственно Русское библиографическое общество и было основано по инициативе библиографа и библиотековеда В. Ф. Фреймана и издателя «Книжной летописи», видного библиографа А. Д. Торопова именно для реализации проекта создания «всеобщего систематического каталога русских книг, напечатанных с 1708 г. по настоящее время (1900-е гг. – *Г. М.)*, со всеми библиографическими и критическими заметками»[24].

Оживление интереса к национальному репертуару было вновь стимулировано проникновением в среду российских библиографов идей Международного библиографического института о создании универсального всемирного библиографического репертуара[25]. Активизировавшаяся с 1913 г. работа Русского библиографического общества пополнялась материалами Н. М. Лисовского, Я. Г. Кваскова (библиография библиографии), библиографическими источниками Б. С. Боднарского, включались даже газетные и журнальные статьи, что неизбежно размывало видовые границы репертуара. Тем не менее трудами московских библиографов к началу 1917 г. был собран значительный материал – 300 тыс. карточек[26].

Идея создания репертуара в среде московских библиографов активизировалась сразу после Февральской революции. В «Библиографических известиях» была напечатана программная статья «Национальная русская библиография»[27]. В статье дано подробное описание опыта составления библиографического репертуара в течение почти 3 десятков лет, предпринятого Русским библиографическим обществом. К февралю 1917 г. обширная картотека[28] хранилась в Обществе не в библиотечных ящиках, а «складывалась плашмя в глубокие жестяные коробки кубической формы, причем и самые карточки имели различные размеры, начиная с четвертушек писчего листа и кончая форматом почтовых открыток… материал, как хранившийся безо всякого порядка, требовал планомерного расположения – систематического и алфавитного»[29]. После февраля заметно оживились работы, был сооружен специальный шкаф на 200 ящиков, карточки обрезаны до международного формата, весь материал разбит на 2 части – алфавитную и систематическую на основе десятичной классификации.

16 сентября 1917 г. в комитете Русского библиографического общества был заслушан доклад Боднарского об окончании работ по составлению библиографического репертуара, обсуждался вопрос о возможности обеспече-

ния доступа к нему[30]. 26 сентября этот же доклад под заглавием «Национальный библиографический репертуар Русского библиографического общества» был прочитан на общем собрании Общества[31]. Повторив заявление о завершении работы по составлению репертуара, докладчик продемонстрировал сам карточный репертуар, который подвергся детальному осмотру присутствовавших. Решено было сделать его доступным для общего пользования по понедельникам в вечерние часы и принять меры к обеспечению ежедневного доступа[32].

Дальнейшие события, связанные с судьбой репертуара, приводятся по «Протоколу 321-го экстренного заседания комитета Русского библиографического общества при Московском университете (по случаю разгрома Общества)»[33]. Огласив поступившее от секретаря комитета Боднарского «донесение о разгроме помещения Общества в дни большевистского переворота», председатель Комитета Р. Ф. Брандт пригласил всех на месте обследовать разрушения. В результате попадания снарядов[34] «особенный урон потерпел незадолго до катастрофы окончательно сформированный национальный библиографический репертуар. Шкаф репертуара откинут от стены, большинство ящиков с карточками выпало из своих гнезд, и многие карточки погребены в груде мусора…»[35]. Стало очевидно, что «с гибелью значительной части карточек и разрушением порядка в размещении остальных карточек (система и алфавит), репертуар в настоящее время перестал отвечать своему назначению»[36].

Предстояло изучить возможности восстановления разрушенного репертуара. В мае 1918 г. Русское библиографическое общество попыталось включить в смету расходов Общества на июль расходы на реставрацию репертуара[37].

В данном случае небезынтересной представляется позиция Боднарского, который в ответ на поступивший в Русское библиографическое общество запрос Наркомпроса от 31 июля 1918 г. об источниках русского библиографического репертуара подробно информировал об истории работ, об объеме и ситуации, сложившейся после октябрьских разрушений, однако отметил, что приоритетным в настоящее время для Общества является издание журнала «Библиографические известия», и, по его мнению, средства следовало бы выделять на журнал, а не на репертуар[38]. Такого же мнения придерживался и Брандт, вместе с Боднарским подписавший ответ в Госиздат[39].

Лишь в сентябре 1918 г. оказалось возможным приступить к реставрации библиографического репертуара, «который, как показало обследование, не вполне потерял своей ценности», однако Наркомпрос, возможно, приняв во внимание отношение руководителей Общества к репертуару, не включил его в смету расходов[40]. Поэтому группа энтузиастов стала заниматься сортировкой карточек и решила бесплатно привести в относительный порядок картотеку, которая использовалась библиографами в справочных целях[41].

17 января 1920 г. на заседании комитета Общества обсуждалось предложение Госиздата о передаче ему за определенную сумму национального репертуара в связи с предполагавшейся в Госиздате работой по подготовке общей и специальной библиографии книг[42]. Огласивший предложение председательствовавший Боднарский «со своей стороны полагал бы наиболее целесообразным пойти навстречу Государственному Издательству, т[ак] к[ак] в противном случае, О[бщест]во могло бы подвергнуться опасности лишиться репертуара и без всякой компенсации, не говоря уже о том, что отклонение предложения Государственного Издательства могло бы вызвать и всякие другие нежелательные для О[бщест]ва последствия»[43].

24 января 1920 г. собрание Общества утвердило решение передать Госиздату картотеку «за справедливое вознаграждение»[44]. С «вознаграждением» ситуация сложилась следующая. Выделенные к концу года деньги должен был по удостоверению получить казначей Русского библиографического общества У. Г. Иваск. Однако в связи с тем, что он в сентябре 1920 г. уехал навсегда в Эстонию, Общество не смогло вовремя получить причитающуюся сумму, в результате чего «деньги из сберегательной кассы были реквизированы»[45].

Репертуар в виде картотеки поступил в Библиографическую комиссию Госиздата, где в это время работал В. Я. Брюсов, а затем после организации в Москве Российской центральной книжной палаты был передан в ее ведение. В 1924 г. Н. Н. Орлов отмечал: «После всех пертурбаций репертуар в настоящее время не представляет собой никакой ценности (многих тысяч записей нет, оставшиеся – в хаосе)»[46]. К такому же выводу пришла впоследствии и Машкова: «После ряда мытарств он превратился в груду неорганизованного материала и как справочный аппарат потерял значение»[47]. Вновь приходится повторить слова К. Н. Дерунова: «Веками манит к себе русских библиографов полная книжная опись, и при каждой попытке усталой, дрожащей рукой схватить и задержать это чудное видение непременно оказывалось, что то был мираж»[48]. Печальная судьба этого начина-

ния надолго оставила тяжелый след и известную тональность ностальгии в среде отечественных библиографов[49].

Одним из важнейших направлений деятельности Русского библиографического общества в рассматриваемое пятилетие была забота о полноте учета московской книжной продукции, в связи с чем в начале марта 1917 г. в составе Общества была организованна специальная Комиссия по регистрации литературы текущего момента под председательством Б. С. Боднарского[50]. Члены Комиссии собирали текущую литературу, обходя издательства, книжные магазины, библиотеки, и описывали ее. Этот материал вошел в специальный «Библиографический указатель литературы по вопросам текущего момента с марта 1917 г.», подготовленный Б. С. Боднарским и выпущенный книгоиздательством «Звезда» Н. А. Орфенова в 1917 г. Комиссия просуществовала до мая 1918 г.

18 ноября 1917 г. завершила свою деятельность и Комиссия сибирской библиографии, существовавшая с 1907 г. и направлявшая все свои усилия на продолжение «Сибирской библиографии» В. И. Межова[51].

Русское библиографическое общество регулярно информировало родственные общества и организации о своей деятельности и планах в виде обзоров, которые рассылались, прежде всего, в Русское библиологическое общество, Российскую книжную палату и др. До нас дошел такой «Обзор деятельности Русского библиографического общества», датированный июнем 1918 г., в котором указывались текущие и ближайшие задачи: собирание всего выходящего в России библиографического материала, регистрация библиографии русской библиографии и библиографии драматических произведений, издание «Библиографических известий», библиографирование русской библиографии (как книг, так и статей из периодических изданий), научная систематизация и классификация библиографического материала по русской библиографии и подготовка статистических библиографических ежегодных обзоров по русской библиографии[52]. В числе задач, которые намечало себе Русское библиографическое общество в первые послереволюционные годы, была и подготовка отраслевых библиографических указателей, что также отмечалось в «Обзоре…»: «обобщение разнообразных библиографических списков по отдельным отраслям жизни и знания», а в программе журнала «Библиографические известия», издаваемого Обществом, предполагалось печатать «указатели по отдельным отраслям знания»[53].

Достаточно регулярно происходили заседания Русского библиографического общества, на которых обсуждались текущие задачи и заслушивались разнообразные доклады[54], информация о которых помещалась как в журнале «Библиографические известия»[55], так и в других периодических изданиях[56]. На заседаниях рассматривались также вопросы истории, теории, методики книговедения (предмет и объект науки о книге – библиологии, ее задачи, состав, границы и место библиологии в системе наук, ее связь со смежными, пограничными областями знания), вопросы теории и практики библиографии (о необходимости повсеместного внедрения Универсальной десятичной классификации, о необходимости унификации библиографического описания, о едином построении титульного листа книги, о проблемах составления каталогов, библиографирования различных видов литературы), библиотековедения (библиотекономии) (история библиотек, материальное положение, устройство, комплектование, классификация в них литературы, устройство и оборудование читальных залов), книготоргового и издательского дела. Неоднократно проходили заседания Совета, посвященные юбилейным датам деятелей книги. Таким образом, с 316-го экстренного заседания (11 апреля 1917 г.) по 363-е заседание (декабрь 1921 г.)[57] было проведено 48 заседаний Совета Общества.

Наряду с практическими и организационными вопросами на общих собраниях Общества были заслушаны доклады А. П. Белоусова «О новых направлениях в науке библиографии», Б. А. Складковского «Очерк истории польской библиографии», В. А. Крандиевского «Книга-карточка», Н. А. Рубакина «Библиологическая психология», Н. Н. Орлова о местной библиографии, В. В. Виноградова «О собирании биобиблиографических материалов деятелей русской культуры и опыты в этом отношении русских библиографов», Г. И. Поршнева «Библиография в Сибири в 1918–1920 гг.» и др.[58] На ежегодных собраниях регулярно заслушивались отчеты о деятельности Общества и утверждались планы на год.

В рассматриваемое послереволюционное пятилетие Русское библиографическое общество стремилось быть одним из центров библиографической, книговедческой мысли страны, и во многом ему удалось этого добиться.

Примечания

[1] Подробнее о деятельности Русского библиографического общества до 1917 г. см.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX в. (до октября 1917 г.). М., 1969. С. 412–421.

[2] История создания «Библиографических известий» в полном объеме воссоздана отечественными учеными. См., например: Машкова М. В. Указ. соч. С. 418–420; Тарасенко И. Н. Журнал «Библиографические известия» и его роль в становлении советского книговедения // Книга: исслед. и материалы. 1978. Сб. 37. С. 127–151; Рожнова В. И. Развитие отечественного библиографоведения на страницах журнала «Библиографические известия» (1913–1927, 1929 гг.): автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1986. 16 с.

[3] Библиогр. изв. 1913. № 1. С. 1.

[4] Цит. по: Машкова М. В. Указ. соч. С. 420.

[5] Орлов Н. Н. Очерк деятельности Русского библиографического общества при Московском университете за 1917–1925 гг. // Библ. обозрение. 1926. Кн. 1/2. С. 163.

[6] Беспалова Э. К. Главный лозунг – «чистота типа» // Совет. библиогр. 1983. № 1. С. 50.

[7] Здобнов Н. В. [Рец. на:] «Печать и Революция»: журнал критики и библиографии… // Сиб. огни. 1922. № 1, март-апр. С. 170–171.

[8] В этом плане никак нельзя согласиться с Н. И. Васьковой, которая отмечала, что журнал «объединял представителей одного теоретического направления» (Васькова Н. И. Б. С. Боднарский и Русское библиографическое общество // Книга: исслед. и материалы. 1989. Сб. 59. С. 112).

[9] Тарасенко И. Н. Указ. соч. С. 131.

[10] Из истории советского книговедения: (переписка Б. С. Боднарского и А. Г. Фомина) / публ. М. Д. Эльзона // Книга: исслед. и материалы. 1975. Сб. 34. С. 101.

[11] Библиогр. изв. 1917. № 3/4. С. 157–160.

[12] Там же. 1922. № 1/4. С. 53–54.

[13] Там же. 1925. № 1/4. С. 255–256.

[14] ОР РГБ. Ф. 573. Карт. 38. Ед. хр. 2. Л. 5.

[15] Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1959. Т. 2. С. 390–391.

О теоретических взглядах Б. С. Боднарского подробно см.: Михеева Г. В. Развитие теории библиографии в первое послереволюционное пятилетие (февраль 1917–1921 гг.) // Государственная библиография, статистика печати, книговедение и Российская книжная палата: прошлое, настоящее и будущее: сб. ст. / ред.-сост. М. Е. Порядина, К. М. Сухоруков. М., 2012. С. 128–129.

[16] Библиогр. изв. 1918. № 3/4. С. 71.

[17] Там же. 1913. № 1. С. 26–39.

[18] Библиография русской библиографии: указ. библиогр. пособий / отв. сост. С. Н. Котломанова; авт. предисл. и науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2000. Ч. 1: 1917–1921 гг. С. 19.

[19] ОР РГБ. Ф. 573. Карт. 2. Ед. хр. 27. Л. 2.

[20] Берков П. Н. Б. С. Боднарский как ученый и общественный деятель // Заслуженный деятель науки Б. С. Боднарский: ст. о его деятельности и список тр. / под ред. Ю. И. Масанова. М., 1963. С. 10.

[21] Орлов Н. Н. 35-летие Русского библиографического общества при Московском университете // Библиогр. изв. 1924. № 1/4. С. 27.

[22] Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972. С. 32.

[23] Берков П. Н. Боднарский как ученый и общественный деятель // Совет. библиогр. 1957. № 46. С. 54.

[24] Куфаев М. Н. Андрей Дмитриевич Торопов (11 августа 1851 г. – 10 мая 1927 г.). М., 1928. С. 2–3; Масанов Ю. И. А. Д. Торопов (1851–1927). М., 1951. С. 7.

[25] Орлов Н. Н. 35-летие Русского библиографического общества. С. 28.

[26] Мартынов И. Ф. Русское библиографическое общество при Московском университете // Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 570.

[27] [Боднарский Б. С.] Национальная русская библиография: (Опыт составления библиографического репертуара Русским Библиографическим Обществом) // Библиогр. изв. 1917. № 1/2. С. 9–14.

[28] По данным Н. Н. Орлова – 400 тыс. (Орлов Н. Н. Русское библиографическое общество при Московском университете в 1917–1924 гг. // Труды Первого Всероссийского библиографического съезда в Москве, 2–8 декабря 1924 г. М., 1926. С. 8).

[29] [Боднарский Б. С.] Национальная русская библиография. С 12–13.

[30] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 196 об.

[31] Орлов Н. Н. 35-летие Русского библиографического общества… С. 89.

[32] Русское Библиографическое Общество при Московскому Университете // Библиогр. изв. 1917. № 3/4. С. 139–140.

[33] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 198–198 об.

[34] Небезынтересно отметить, как рождаются «мифологемы». Факт попадания снарядов в помещение Общества был отмечен в протоколах Общества и «Библиографических известиях» (1917. № 3/4. С. 141). В тот период подчеркивалось, что произошло это «в дни большевистского переворота». Однако в «Истории русской библиографии…» Н. В. Здобнова (М., 1947. Т. 2. С. 93) указано, что «пушечные выстрелы белогвардейцев, разрушив стену… сильно повредили обширную картотеку репертуара». Вряд ли с достаточной долей вероятности можно установить, кому из противоборствующих сторон принадлежали снаряды. Однако такие нюансы лишний раз свидетельствуют о том, что подача и интерпретация фактов во все времена определялась идеологическими установками.

[35] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 198.

[36] Протокол экстренного заседания Комитета Русского Библиографического Общества при Московском Университете (по случаю разгрома О-ва) // Библиогр. изв. 1917. № 3/4. С. 141.

[37] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 200.

[38] Там же. Ед. хр. 48. Т. 1. Л. 49–53 об. То же самое Боднарский высказал и 3 мая 1919 г. при заполнении анкеты «Московского столичного статистического бюро», осуществлявшего перепись культурно-просветительных учреждений Москвы. На вопрос «Каковы неотложные нужды Общества, удовлетворение которых представляет жизненную необходимость?» Боднарский ответил: «Продолжать издание журнала „Библиографические известия“…» (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 11).

[39] Там же. Ед. хр. 48. Т. 1. Л. 54 об.

[40] Там же. Л. 202 об.

[41] Русское Библиографическое Общество при

Московск[ом] Университе // Библиогр. изв. 1918. № 3/4. С. 103.

[42] ОР РГБ. Ф. 573. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 9.

[43] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 209.

[44] Русское Библиографическое Общество при Московском Университете // Библиогр. изв. 1920. № 1/2. С. 29–30; Машкова М. В. Проблема репертуара книги в русской библиографии: дис. … канд. пед. наук. Л., 1946. Л. 165.

[45] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 57.

[46] Орлов Н. Н. 35-летие Русского Библиографического общества… С. 35.

[47] Машкова М. В. История русской библиографии… С. 71. 10 карточек, написанных еще рукой В. Ф. Фреймана, сохранились в архиве Боднарского (ОР РГБ. Ф. 573. Карт. 25. Ед. хр. 2. Л. 9–18) и архиве Русского библиографического общества (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 1. Л. 43).

[48] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет) // Библиогр. изв. 1913. № 1. С. 17.

[49] См., например: Орлов Н. Н. Русское Библиографическое Общество при Московском Университете в 1917–1924 гг. С. 8.

[50] Подробнее о деятельности Комиссии по регистрации литературы см.: Сухорукова Е. М. Русское библиографическое общество при Московском университете и его журнал «Библиографические известия» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: межведомств. сб. науч. тр. М., 1988. Вып. 5. С. 134–135.

[51] Подробнее о деятельности Комиссии сибирской библиографии см.: Рожнова В. И. Комиссия сибирской библиографии в Русском библиографическом обществе (1907–1917) // Совет. библиогр. 1975. № 5. С. 41–48.

[52] ЦГАЛИ СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 169–169 об.

[53] Там же. Л. 169.

[54] За все время существования Общества было прочитано около 500 докладов (Сухорукова Е. М. Указ. соч. С. 136).

[55] О заседаниях Общества в 1917–1920 гг. см.: Библиогр. изв. 1917. № 3/4. С. 139–140; 1918. № 1/2. С. 57–58; № 3/4. С. 102–103; 1919. № 1/2. С. 80; № 3/4. С. 136–137; 1920. № 1/2. С. 29–30; № 3/4. С. 59.

[56] См., например: Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 236–237; 1922. Кн. 1. С. 331–332.

[57] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 298 об. – 333 об.

[58] Там же. Ед. хр. 102. Л. 195–226.